
РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ НА ОСНОВЕ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ВОЗДЕЙСТВИЙ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В.М. Поздняков

Кафедра уголовного права и процесса
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В современных условиях реформирования уголовно-исполнительной системы России при создании нового типа учреждений для несовершеннолетних осужденных — воспитательных центров с прогрессивной системой исполнения наказаний — возрос запрос на реализацию в их ресоциализирующей деятельности общественных воздействий. В этой связи в статье представлен материал историографического и компаративного исследований по привлечению институтов гражданского общества к ресоциализации несовершеннолетних осужденных.

Ключевые слова: исправление, общественные воздействия, реадaptация, реабилитация, реинтеграция, ресоциализация и социальная реабилитация.

Акцент в Концепции реформирования УИС России до 2020 г. на совершенствовании процесса ресоциализации несовершеннолетних осужденных ориентирует на вскрытие узких мест в современной пенитенциарной практике и поиск неиспользуемых резервов. На наш взгляд, в рамках происходящей сегодня экспериментальной отработки модели воспитательных центров — нового типа пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних — пока в недостаточной мере задействуются возможности такого средства исправления, как общественные воздействия. В качестве аргументации высказанного критического замечания может служить материал проведенного нами историко-компаративного исследования, узловые моменты которого представлены в настоящей публикации.

Отечественная история свидетельствует, что уже в первой земледельческой колонии для несовершеннолетних правонарушителей, созданной в 1819 г. по инициативе Я.И. Герда, стал реализовываться гуманный подход в исправлении «порочных и преступных детей» [28; 41]. При этом для их «нравственного исправления» привлекались члены Попечительного о тюрьмах общества, преследовавшего цель «наставления в правилах христианского благочестия и доброй праведности, создания условий для занятия приличными упражнениями» [16; 21].

После принятия в 1864 г. Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, в стране стали массово создаваться различные виды исправительных учреждений для несовершеннолетних преступников. При этом благодаря трудам таких ученых, как А.М. Богдановский, Д.А. Дриль, А.Ф. Кистяковский,

П.И. Люблинский, П.Г. Редкин, Д.А. Тальберг, И.Я. Фойницкий, была теоретически обоснована [9; 11; 15; 39], а опытной исправительной практикой таких организаторов-педагогов, как М.П. Беклешев, А.Я. Герд, М.Н. Капустин, Д.В. Краинский, В.М. Левитский, Н.А. Окунев, П.И. Ровинский, Н.В. и К.В. Рукавишниковы, А.Д. Ушинский подтверждена бесперспективность борьбы с преступностью несовершеннолетних применением лишь наказательных мер и одновременно доказана необходимость проведения с ними разноплановой исправительной-превентивной и ресоциализирующей работы [7]. В итоге в 1900 г. в России уже существовало 45 исправительных учреждений для несовершеннолетних, которые в городах носили название приютов, а в сельской местности — земледельческих колоний. Самым крупным учреждением считалась Петербургская колония на 200 человек, основанная А.Я. Гердом, а среди приютов — Московский Рукавишников приют на 120 человек [27. С. 51].

В дореволюционной России было проведено 8 съездов представителей исправительных заведений для малолетних правонарушителей, в работе которых всегда также участвовали правительственные чиновники, видные ученые, писатели, религиозные деятели, меценаты [35. С. 88–91]. Благодаря широкому обмену передовым опытом использования разноплановых средств исправления, а также заинтересованному обсуждению путей профилактики правонарушений и созданию условий расширенного подключения к нравственно-воспитательной работе с несовершеннолетними институтов попечительства и патроната [8; 29] в последующем происходила выработка прогрессивных ориентиров в законодательстве. В частности, были приняты «Закон об исправительных приютах» (1866), «Положение о патронате над несовершеннолетними, вышедшими из исправительных учреждений» (1866), «Об изменении форм и обрядов судопроизводства в отношении малолетних и несовершеннолетних преступников» (1897), «Положение о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних» (1909) и др.

Если обозначить главные тенденции в изменении законодательства и практики исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних правонарушителей, имевшие место в России дореволюционного периода, представляется важным отметить, что сложились ориентации, с одной стороны, на их выведение из «сетей традиционной тюрьмы» [24. С. 18–19], а с другой — на реализацию индивидуально-дифференцированного подхода в исправлении несовершеннолетних осужденных и привлечения широкой общественности по их реинтеграции в общество. Нами поддерживается мнение С.А. Завражина, что в дореволюционной России, в отличие от зарубежных стран, «конституировалось особое научное направление — предупреждение отклоняющегося поведения несовершеннолетних, которое интегрировало знания комплекса гуманитарных и естественных наук (юриспруденции, педагогики, психологии, биологии, физиологии, медицины, социологии) и обладало следующими генеральными параметрами: социальной ангажированностью (теснейшей связью с конкретной социокультурной ситуацией), практологичностью (преобладанием практикоориентированных

подходов), критическим отношением к зарубежным исследованиям, педоцентрической и гуманистической направленностью» [14. С. 111]. Разработанные в рамках данного направления концепции и исправительные средства не только находились на уровне мировой науки, но и в некоторых отношениях опережали ее. Среди них прежде всего следует отметить: идеи об усвоении девиантного поведения через механизмы стигматизации и импрессионга (П.Ф. Лесгафт) и о нерасчленимой биосоциальной природе личности (В.М. Бехтерев); о превентивно-исправительном воспитании (К.Д. Ушинский, А.Я. Герд, Д.А. Дриль); концепцию генеалогического предупредительного воспитания (И.А. Сикорский), методики коррекции вредных привычек и асоциальных тенденций в структуре личности подростка (И.А. Сикорский, В.М. Бехтерев и др.).

В первое пятнадцатилетие Советской власти со стороны ученых и пенитенциаристов-практиков (М.Н. Гернет, 1922, 1927; П.И. Люблинский, 1923; С.В. Познышев, 1923; В.И. Куфаев, 1924; Ю.Ю. Бехтерев, 1927; Б.С. Утевский, 1927 и др.) продолжилось отстаивание приоритетности реализации в исправительной работе с несовершеннолетними осужденными «социально-поддерживающего подхода». При этом активно использовались материалы научных обследований правонарушителей и их общностей, полученные сотрудниками возникших в 1920-е годы многочисленных криминологических кабинетов (лабораторий, клиник), а также Экспериментального пенитенциарного отделения при Государственном институте изучения преступности и преступника [33. С. 49–69].

Значительным вкладом в теорию и практику организации исправительного процесса с несовершеннолетними правонарушителями является психолого-педагогическая система А.С. Макаренко, обеспечивавшая перевоспитание личности на основе ее всестороннего изучения, воспитывающего влияния коллектива и взаимноответственных отношений между воспитателями и воспитуемыми [3; 36. С. 392–398]. При этом Макаренко считал, что «особенно важно обеспечить новую ориентацию на широкое привлечение к работе с несовершеннолетними правонарушителями советской общественности» [23. С. 122]. Конструктивные методики воспитательной работы с делинквентными подростками в 1920–1930 гг. реализовывались и в профдеятельности таких видных отечественных психологов и педагогов, как П.П. Блонский, С.Т. Шацкий, В.Н. Сорока-Росинский [25].

Однако накопленные достижения психологической и педагогической наук, а также опыт по привлечению широкой общественности к исправлению несовершеннолетних правонарушителей в последующие почти три десятилетия практически не использовались, т.к. произошло «воцарение махровой идеологии» в правоведении и наблюдалось игнорирование человека в пенитенциарной практике (особенно в рамках все более развертывавшейся «гулаговской системы») [10], а также сказывались последствия «партийных репрессий» в отношении педологии и психологии [32. С. 143–162].

Реальные условия востребованности психолого-педагогических знаний и методов, а также подключения общественности к исправлению и перевоспита-

нию несовершеннолетних осужденных возникли лишь в конце 1950-х — начале 1960-х гг. При этом обсуждению организационно-правовых основ и направлений включенности общественности в работу с осужденными был посвящен ряд монографических исследований, а также многочисленные публикации в ведомственных журналах [6; 17; 18; 19; 26; 37; 42; 44]. В них доказывалось, что субъекты общественного воздействия могут оказывать действенное влияние на личность несовершеннолетних осужденных, особенно при воздействии трудовых коллективов, способных влиять на «осознание осужденными своего места в обществе» [12; 13. С. 19–20]. В этой связи при воспитательно-трудовых колониях были созданы наблюдательные комиссии, а также методические советы и советы воспитателей. В 1974 г. в штат колоний для несовершеннолетних введены должности психологов, которым предстояло, по аналогии с зарубежной пенитенциарной практикой, обеспечить индивидуально-дифференцированный подход к исправлению осужденных [5]. Кроме того, спецкомендатуры, созданные в каждом регионе страны, должны были в тесном сотрудничестве с трудовыми коллективами предприятий, организаций и учреждений вести работу с отбывшими наказание, чтобы профилактировать рецидив преступления. Для легализации участия общественности в работе с осужденными были внесены изменения в законодательство (ст. 9 и разд. 5 ИТК РСФСР), а также изданы специальные нормативные правовые акты (в частности, постановление Совета Министров РСФСР от 18 ноября 1968 г., утвердившее Положение о Советах общественности при ИТК, приказ МВД СССР от 20 марта 1972 г. № 82, содержащий Инструкцию о привлечении внештатных сотрудников к исправлению и перевоспитанию осужденных, и др.).

Следует особо отметить, что в 1960–1980 гг. был проведен ряд социально-педагогических экспериментов по широкому привлечению общественности к воспитательной работе с осужденными, в том числе в учреждениях Вологодской области по возрождению элементов системы А.С. Макаренко и наставничеству над осужденными, в Белоруссии — по организации индивидуального шефства над трудновоспитуемыми осужденными, в Харьковской области — по развитию коллективного шефства и кооперативных связей с пенитенциарными учреждениями. В итоге в пенитенциарной практике стали складываться предпосылки возрождения институтов попечительства и патроната [21. С. 58–59]. Одновременно о важности обеспечения комплексного подхода к исправлению и перевоспитанию несовершеннолетних осужденных речь велась на многочисленных научно-практических конференциях, в том числе всесоюзных, посвященных наследию А.С. Макаренко [30; 31].

Процесс развития в стране демократизации и гласности, начавшийся с 1985 г., сделал достоянием широкой общественности имевшиеся в истории органов и учреждений исполнения наказаний проблемы системного характера. Руководство МВД СССР, имея расширенные возможности посещения зарубежных мест лишения свободы, пришло к выводу о необходимости гуманизации условий отбывания наказания и совершенствования индивидуально-дифференцированного подхода

при ресоциализации осужденных. В итоге в штат всех колоний были введены новые категории специалистов — психологи (в соответствии с приказом МВД СССР № 86 от 02.09.1989) и социальные работники (приказ ГУИН Минюста России № 41 от 30.03.2000). При этом в качестве позитивной пенитенциарной новации следует рассматривать эксперимент по объединению усилий психологов и социальных работников в рамках центров психолого-педагогической и социальной работы с осужденными в колониях УФСИН России по Орловской области [22].

Вместе с тем в рамках расширяющихся в последнее десятилетие международных пенитенциарных контактов стало очевидным, что если за рубежом для выполнения требований международных правовых актов целенаправленно внедрялись разнообразные формы и технологии общественного воздействия на несовершеннолетних осужденных, то в современной российской практике сохранились лишь отдельные элементы из ранее имевших место [4]. И это несмотря на то, что в 1999 г. принят Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» № 120-ФЗ, возросла роль институтов гражданского общества и ведется эксперимент по вводу института «ювенальной юстиции».

В современных научных публикациях подчеркивают важность активного перенятия зарубежного опыта по ресоциализации несовершеннолетних осужденных, в том числе ссылаясь на авторитетных иностранных ученых, считающих доминантной характеристикой пенитенциарных систем конца XX столетия ее экспортный потенциал и, прежде всего, в области исправительных технологий [53; 57]. Наиболее наглядно последний проявлялся, с одной стороны, в распространении в пенитенциарных системах различных стран мира прогрессивной системы отбывания наказания, а с другой стороны, в развитии и внедрении технологий ресоциализации и коллективного самоуправления в полуоткрытых и открытых пенитенциарных учреждениях.

Анализ публикаций зарубежных ученых свидетельствует, что в реализации прогрессивной системы отбывания наказания, несмотря на национальную специфику, всегда просматривается совмещение динамичного способа трансформации пенитенциарных условий с элементами индивидуально-дифференцированного подхода к заключенным. Имеющиеся же национальные особенности (количество фаз режима, системы знаков отличия и др.) во многом зависят от состояния социальной формации и уголовной политики, предопределяющей содержание и назначение исправительного фактора и, соответственно, границы внедрения прогрессивного режима [40; 62].

Реализация технологий ресоциализации и коллективного самоуправления предполагает создание особого типа исправительных заведений, где режим отбывания наказания приспособлен к поддержанию просоциальной открытости и доверия к заключенным, их органам самоорганизации. В этой связи в XX столетии апробированы различные пенитенциарные модели: «участие заключенных в делах тюрьмы в соответствии с требованиями «Лиги взаимного благосостоя-

ния» (Т.М. Осборн, 1924) [55], «тюремная общность людей» (Х.В. Джилл, 1932) [59], «демократизация жизни заведения» (Т. Матисен, 1967) [52], «терапевтическая община» (Э. Штудт и др., 1968) [61]. В отношении ресоциализации несовершеннолетних достаточной эффективными признаются «реинтеграционная модель пенитенциарных учреждений», впервые апробированная в 1980-х гг. в штате Калифорния, США, а также социально-терапевтическая модель, по которой первые учреждения были созданы еще в 1930-х гг. в Голландии и Дании, а разноплановые модификации получили развитие во многих европейских странах [34. С. 80–87].

Стержневой идеей «реинтеграционной модели» является то, что заключенный воспринимается как человек, который способен изменяться, если предварительно получил при консультировании со стороны специалистов (психологов, социальных работников и др.) эмпатическую обратную связь о своей личности и приобрел за счет участия в групповых социально-реабилитационных программах навыки просоциального поведения, которые в итоге позволяют ему уже реализовывать новый смысл бытия в условиях особого типа гуманной среды и механизмов коллективного самоуправления, складывающихся в полуоткрытых пенитенциарных учреждениях. В них при участии общественных организаций и привлекаемых извне специалистов (психотерапевтов, социологов, криминологов, социальных педагогов и др.) исправительный процесс строится через изучение личности и динамики человеческих взаимоотношений в группе, привитие навыков самостоятельности и совладающего поведения, ненасильственного общения и конструктивного разрешения возникающих конфликтов. К организации «общинной» жизнедеятельности осужденных с целью патроната привлекаются институты гражданского общества, а также порой и лица, ранее отбывавшие наказание, а ныне ведущие активный социальный, нравственно зрелый, правопослушный образ жизни [38]. Кроме того, реинтеграционная пенитенциарная модель в отношении лиц, отбывших наказание, а также условно-досрочно освобожденных обычно предоставляет широкие возможности по выбору ими участия в «отвлекающих» и «попечительских» программах [43. С. 408–432]. Их целью является вовлечение данной категории людей в более широкую систему общественных отношений, где в итоге и будет осуществляться их социальная реабилитация [2. С. 65–86].

Реализация «реинтеграционной модели», процессуально представляющей триединый процесс изменения осужденного (по американской рабочей аббревиатуре — процесс «3R») — «реформацию личностную», «реабилитацию социальную» и «реинтеграцию поэтапную в общество», предъявляет особые требования к персоналу пенитенциарных учреждений. Прежде всего требуется вводить в их штат новый отряд квалифицированных специалистов (психологов, социальных педагогов, социальных работников и др.). Кроме того, особые квалификационные требования предъявляются к руководителям учреждений, которые помимо соответствующей профессионально-правовой компетенции должны обладать такими личностными свойствами, как развитый социальный

интеллект, коммуникативные способности, умение убеждать в индивидуальном общении и воздействовать на группы заключенных [1. С. 17–18].

Особенности функционирования европейских социально-терапевтических учреждений для несовершеннолетних представляется целесообразным рассмотреть на примере эволюции пенитенциарной системы ФРГ [34]. В этой стране с середины 1960-х гг. реформа пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних велась в направлении создания социально-терапевтических и переходных (полуоткрытых) учреждений. При этом благодаря ученым (К.П. Роттхаус, В. Раш, И. Нейбергер и др.) была разработана научно-обоснованная концепция оказания социальной и психологической помощи отбывающим наказания [54; 56; 58]. Она базировалась на идеях из разноплановых теорий личности, требовала учета психологических механизмов социального научения заключенных, включаемых в так называемые «группы проживания», и применения к ним преимущественно технологии когнитивно-поведенческой терапии. В зависимости от уровня просоциального изменения личности заключенного обеспечивалось его продвижение при отбывании наказания к условиям внешней социальной среды, причем при одновременном обеспечении их внутриличностного развития в направлении все большей самостоятельности, повышения ответственности и социального самоопределения. В этих целях были введены технологии социально-психологического тренинга и исправительные программы по общему и профессиональному образованию, труду, сохранению здоровья, приобщению к спорту и пр., позволявшие приобретать компетенцию в различных областях жизнедеятельности [47; 49; 60].

С учетом признания «групп проживания», представляющих собой автономные и небольшие по численности общности людей (до нескольких десятков человек), основным звеном в проведении ресоциализации в социально-терапевтических учреждениях и в молодежных исправительных центрах для работы в них стали активно привлекаться психологи и социальные работники. Они были призваны обеспечить индивидуально-дифференцированный подход в работе с заключенными и создать гуманную исправительную среду в учреждении [46; 50]. В процедурном плане особенностью социально-терапевтических учреждений стало то, что прием в них обычно производился на добровольной основе, а время нахождения в них составляло от 9 до 24 месяцев. Эффективность деятельности социально-терапевтических учреждений для несовершеннолетних, а также позднее возникших и для взрослых заключенных, по сравнению с традиционными местами лишения свободы, выражается в том, что рецидивность среди лиц, находившихся на заключительной стадии отбытия наказания в первом типе учреждений, составляет в среднем 47% против около 70% у оставшихся в традиционных заведениях [48].

Осуществляя прогноз в области эффективности функционирования и внедрения в отечественную пенитенциарную систему зарубежных пенитенциарно-психологических новаций, прежде всего, следует отметить три момента. Во-первых, в силу отечественной ментальности делать прямые заимствования ино-

странного психотехнического инструментария, без его опытного апробирования в отечественной практике, на наш взгляд, не следует. Ведь еще видный отечественный обществовед XIX в. Н.К. Михайловский советовал ученым-гуманитариям: «...прилагать западные теории осмотрительно, принимая во внимание то, что условия нашей жизни имеют свои особенности». Во-вторых, внести изменения в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, чтобы в нем наряду с уже зафиксированным правом осужденных на получение психологической помощи (п. 6¹ ст. 12 УИК РФ), была прописана и их обязанность участвовать в ресоциализирующих и социально-реабилитационных программах. В-третьих, нами разделяется позиция американских ученых, которые считают, что для продуктивного развития современных пенитенциарных систем следует критически осмыслить суть и искать пути оптимального решения следующих пяти дилемм [45. С. 509–515]:

Предназначение. При значительном разнообразии и противоречивости ожиданий по отношению к пенитенциарной системе (и прежде всего, когда государственные органы озабочены лишь ситуативным определением ее места в политике борьбы с преступностью и ждут от нее лишь скоординированных реакций, когда большинство населения ее воспринимает преимущественно как орган защиты от преступников, а персонал мест лишения свободы ориентируется на реализацию гуманистической миссии обслуживания своих клиентов) возникает необходимость выбора общих приоритетов и преодоления ныне имеющегося расплывчатого понимания ее предназначения: то ли исправление правонарушителей, то ли ресоциализирующее управление ими, то ли контроль над риском, то ли реализация «доктрины заслуг», то ли обеспечение условий для справедливого отбытия наказания или нечто другое?

Структура. Структуры современных пенитенциарных систем предопределяются, с одной стороны, требованиями международных стандартов обращения с заключенными, а с другой стороны, складывающимся внутри конкретных стран взаимоотношением тюремных и внетюремных учреждений, призванных вести борьбу с преступностью. Как свидетельствует прошлое, наибольшие расстройства в функционировании пенитенциарных систем приносят несогласованные и/или нескоординированные на государственном уровне действия других видов правоохранительных органов (например, когда суд в силу складывающихся в обществе тенденций начинает ужесточать наказательные санкции в отношении определенных категорий преступников или, наоборот, переносит акцент на альтернативные меры наказания; когда органы дознания в силу ведомственных интересов злоупотребляют использованием тюремного пространства в собственных целях и т.д.).

Методы. Выбор лучших стратегий и, соответственно, технологий в работе пенитенциарных систем (например, надзор или помощь, опека или излечение) зависит не только от квалификации кадров и их методической оснащенности, но и от обозначенных перед системой на определенных исторических этапах приоритетах и частоты их внешнего регулирования. Для эффективного разви-

тия пенитенциарной системы крайне негативны последствия частых изменений, так как, с одной стороны, у ее персонала могут возникать чувства, что их деятельность или несостоятельна в выполнении своих основных функций, или в реальной практике следует придерживаться бюрократического акцента приоритета установленной процедуры над творческим процессом. Кроме того, частая смена пенитенциарных доктрин может негативно сказываться на самой исправительной практике, не позволяя возвышать потенциал тех лиц, для обращения с которыми она предназначена.

Персонал. Поскольку пенитенциарная система работает с людьми, то важнейший ее ресурс — квалифицированный персонал, мотивированный на реализацию ее главных целей. Однако низкий престиж в обществе тюремных работников, недостаточная материальная компенсация реально существующих психологических и моральных издержек профессиональной деятельности, а также малые возможности для профессиональной карьеры и индивидуальной оценки качества труда могут негативно сказываться на ценностно-смысловых ориентациях сотрудников пенитенциарных учреждений. Кроме того, имеющий место жесткий контроль за второстепенными показателями работы (бумажная отчетность, участие в общих мероприятиях по надзору за заключенными и т.д.) могут дополнительно способствовать отсеву наиболее творчески работающих сотрудников и специалистов. В связи с тем что организационная культура персонала зависит от длительного развития коллектива сотрудников и стабильности руководящего звена данных учреждений, то часто происходящие смены последних и высокая текучесть кадров не способствуют общему успеху, тем более что одновременно существует постоянное противодействие их исправительным усилиям со стороны криминальной части сообщества заключенных.

Расходы. В силу реальной дороговизны и наблюдаемых тенденций роста расходов на пенитенциарную систему из государственного бюджета даже на общем фоне роста преступности среди ученых и в «коридорах власти» постоянно возникают вопросы об обоснованности затрат на нее. Возникающее противоречие (желание общества содержать преступников в тюрьме и нехватка средств на это) некоторые страны пытаются разрешить через проведение приватизации мест лишения свободы. И хотя лишь длительный опыт функционирования частных пенитенциарных учреждений может вынести адекватный вердикт об эффективности данного подхода, но уже сейчас очевидно, что приватизация представляет собой, с одной стороны, потенциальную угрозу единому административному и методическому руководству пенитенциарной системой, а с другой стороны, она преимущественно возможна лишь в отношении мест заключения, где содержатся лица, которые не являются рецидивистами и с которыми можно упрощенно строить режим и эффективно организовывать труд.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Анисимков В.М.* Проблемы совершенствования подготовки кадров для уголовно-исполнительной системы // Проблемы совершенствования научных исследований и подготовки кадров для уголовно-исполнительной системы. — М., 1998.
- [2] *Алферов Ю.А.* Пенитенциарная социология. — Домодедово, 1995.
- [3] *Багреева Е.Г., Данилин Е.М.* Возвращение к Макаренко. — М., 2006.
- [4] *Баранов Ю.В.* Ресоциализация осужденных к лишению свободы и освобожденных от этого наказания: теоретико-методологические и правовые основы // Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. — М., 2008.
- [5] *Баишкатов И.П., Саблина Л.С.* Психолог ВТК. Методическое руководство для работников ВТК. — М., 1977.
- [6] *Беляев Н.А.* Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях. — Л., 1963.
- [7] *Беляева Л.И.* Становление и развитие исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей в России (середина XIX — начало XX вв.). — М., 1995.
- [8] *Беляева Л.И.* Патронат в России (XIX в. — начало XX в.). — М., 1996.
- [9] *Богдановский А.* Молодые преступники. Вопросы уголовного права и уголовной политики. — Одесса, 1870.
- [10] *Буков В.А.* От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: у истоков тоталитаризма. — М., 1997.
- [11] *Дриль Д.А.* Малолетние преступники. — М., 1884.
- [12] *Елеонский В.А.* Наблюдательные комиссии. — М., 1966.
- [13] *Елеонский В.А., Прокопов М.П.* Роль общественности в нравственном воспитании осужденных. — М., 1976.
- [14] *Завражин С.А.* Предупреждение отклоняющегося поведения несовершеннолетних в Российской империи: монография. — М., 1996.
- [15] *Кистяковский А.Ф.* Молодые преступники и учреждения для их исправления. — Киев, 1878.
- [16] *Краинский Д.В.* Материалы к исследованию истории русских тюрем в связи с историей учреждения Общества попечительного о тюрьмах. — Чернигов, 1912.
- [17] *Ковалев А.Г.* Психология исправления и перевоспитания осужденных. — Л., 1964.
- [18] *Колбановский В.Н.* Психология личности преступника и его перевоспитание // К новой жизни. — 1961. — № 10.
- [19] *Лашко В.Т.* Все ли мы используем для перевоспитания осужденных? // Советская юстиция. — 1962. — № 3. — С. 62–65.
- [20] *Лисин А.Г., Петренко М.И., Яковлева Е.И.* Тюремная система Российского государства в XVIII — начале XX в. — М., 1996.
- [21] *Лузгин С.А.* Социальная работа с осужденными в России: историческая ретроспектива, современность и будущее. Монография. — Рязань, 2006.
- [22] *Лузгин С.А.* Центры психолого-педагогической и социальной работы с осужденными как отечественная модель их исправления и ресоциализации в исправительных колониях. Учеб. пособие. — Рязань, 2004.
- [23] *Макаренко А.С.* Педагогические сочинения. В 8 т. — М., 1986. — Т. 1.
- [24] *Маколи М.* Дети в тюрьме. — М., 2008.
- [25] *Матвиенко В.Е.* Общественное воздействие как средство исправления несовершеннолетних осужденных: Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. — Коломна, 2000.
- [26] *Мясищев В.Н., Ханкин Х.* Главное условие исправления // К новой жизни. — 1969. — № 12.

- [27] *Невский В.В.* Теория и практика исполнения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних: Монография. — Домодедово, 1998.
- [28] Об открытии первой земледельческой колонии в 1819 г. в имени графа Румянцева Яковом Гердом // Санкт-Петербургские ведомости. — 1871. — № 30.
- [29] *Павлова И.П.* Тюрьма и благотворительность в Российской империи второй половине XIX — начале XX столетия. URL: <http://www.infoblago.ru/survey/artcle>
- [30] Педагогическое наследие А.С. Макаренко и проблемы воспитания осужденных: Материалы Всесоюзной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А.С. Макаренко (22–24 декабря 1977 г.). — Рязань, 1978.
- [31] Педагогическое наследие А.С. Макаренко и проблемы исправления и перевоспитания осужденных: Материалы Всесоюзной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.С. Макаренко (31 марта — 1 апреля 1988 года). — Рязань, 1988.
- [32] *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* История психологии. — М., 1994.
- [33] *Поздняков В.М.* Отечественная пенитенциарная психология: история и современность: Монография. — М., 2000.
- [34] *Поздняков В.М.* Психология в пенитенциарной практике зарубежных стран в XX столетии: Монография. — М., 2000.
- [35] *Поспелова О.И.* Деятельность съездов представителей исправительных заведений для малолетних преступников в Российской империи // Социальные отклонения молодежи как философская, психолого-педагогическая и правовая проблема: Тезисы докладов участников международной конференции. — Владимир, 1996.
- [36] Психологическая наука в России в XX столетии: проблемы теории и истории / Под ред. А.В. Брушлинского. — М., 1997.
- [37] *Ременсон А.Л.* Участие советской общественности в перевоспитании осужденных и его правовое регулирование в общесоюзном законодательстве // Проблемы развития советского исправительно-трудового законодательства. — Саратов, 1961.
- [38] *Стурова М.П., Чакубаиш Ю.В.* О пенитенциарной системе США // Экспресс-информация. — М.: ОНИ Академии МВД СССР, 1991. — № 6.
- [39] *Тальберг Д.А.* Исправительные колонии и приюты в России. — СПб., 1882.
- [40] *Ткачевский Ю.М.* Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. — М., 1997. — С. 16–29.
- [41] *Шимановский В.И.* Очерк возникновения исправительно-воспитательных заведений для малолетних преступников в России. — Одесса, 1884.
- [42] *Ширвинт Е.Г.* К сорокалетию исправительно-трудовой политики Советского государства. — М., 1957.
- [43] *Штайнер Х.Й.* Криминология. — М., 1994.
- [44] *Яковлев А.М.* Борьба с рецидивной преступностью. — М., 1964.
- [45] *American Corrections* / Ed. by Clear T.R., Cole G.F. 3 rd. ed. — Belmont California, 1994.
- [46] *Bruns M.* Theorie und Praxis des Wohngruppenvollzugs. — Frankfurt/M, 1989.
- [47] *Dünkel F., Johnson E.* Introduction of Therapy into Tegel Prison. Evaluation of an Experiment // International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice. — 1980. — № 4. — P. 233–247.
- [48] *Egg R.* Sozialtherapeutische Behandlung und Rückfälligkeit im längerfristigen Vergleich // MSchrKrim. — 1990. — № 73.
- [49] *Egg R.* Behandlung hinter Gittern — ein Irrweg? Probleme sozialtherapeutischer Einrichtungen im Strafvollzug // BewHi. — 1993. — № 40. — S. 373–388.
- [50] *Laubenthal K.* Der Wohngruppenvollzug — Entwicklung, Zielsetzung, Perspektiven // ZfStrVo. — 1984. — № 33. — S. 67–73.

- [51] *Lösel F., Köferl P., Weber F.* Meta-Evaluation der Sozialtherapie. — Stuttgart, 1987.
- [52] *Mathiesen T.* Resistance au changement dans les institutions penitentiaires // *Etudes Relatives a la Recherche Criminologique.* 1967. — Strasbourg, Conseil de l'Europe. — V. 1.
- [53] *Milner A.* African Penal Systems. — L., 1969.
- [54] *Neuberger J.* Die Kriminalpolitische Bedeutung der sozialtherapeutischen Anstalten // *Justizverwaltungsblatt Nordrhein-Westfalen.* — 1971. — № 108.
- [55] *Osborne T.M.* Prisons and the Common Sense. — Philadelphia, 1924.
- [56] *Rasch W.* Formaler Aufbau und organisatorisches Grundkonzept der Modellanstalt Düren // *Monatschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform.* — 1974. — № 57. — S. 27–41.
- [57] *Rico J.* Crime et Justice Penale on Amerique Latine. — Montreal, 1978.
- [58] *Rotthaus K.P.* Sozialtherapie in der Justizvollzugsanstalt Gelsenkirchen // *Zeitschrift für Strafvollzug und Straffälligenhilfe.* — 1971. — № 30. — S. 323–333.
- [59] *Rotman D.J.* Conscience and Convenience: the Asylum and its Alternatives to Progressive America. — Boston, 1980.
- [60] *Quensel S.* Der Strafvollzugsbeamte in der Gruppenarbeit // *Aktuelle Kriminologie.* — 1969.
- [61] *Studt E., et al C.* Unit, Search for Community in Prison. — N.Y., 1968.
- [62] *White S.A.* Maconochie and development of parole // *Journal of Criminal Law and Criminology.* — 1976. — V. 67. — P. 72–88.

RESOZIALISATION MINORS OF THE PUBLIC INFLUENCES CONDEMNED ON THE BASIS OF SYSTEM: HISTORY AND THE PRESENT

W.M. Pozdnyakov

The Department of Criminal Law and Process
Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

The inquiry about realisation has increased in modern conditions of reforming of criminally-executive system of Russia at creation of new type of establishments for minors condemned — the educational centres with progressive system of execution of punishments — in them resozialisation activity of public influences. Thereupon in article the material historiographic and comparativ o researches on attraction of institutes of a civil society to Resozialisation minors condemned is presented.

Key words: correction, public influences, readaptation, rehabilitation, reintegration, resozialisation and social rehabilitation.